

**Межпоколенческая память о распаде СССР
на постсоветском пространстве: механизмы передачи
и ценностные интерпретации в исследованиях 2018–2026 годов**

Александр Рустамович Акрамов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
E-mail: akramov.ar@rggu.ru

Аннотация. Статья представляет проблемно-историографический анализ исследований 2018–2026 гг., посвященных межпоколенческой передаче памяти о распаде СССР и советском прошлом на постсоветском пространстве. Цель работы – выявить механизмы трансляции этой памяти и установить, как в ней соотносятся ценностная привлекательность отдельных элементов советского опыта и отношение к восстановлению прежней государственной формы. Корпус составили рецензируемые публикации о семейной памяти, постпамяти, молодежном восприятии распада СССР, политике памяти и цифровой ностальгии, а также материалы репрезентативных опросов. Аналитическое ядро образуют 26 рецензируемых публикаций 2018–2026 гг., отобранные в eLibrary.ru, «КиберЛенинке» и Scopus по запросам о межпоколенческой и семейной памяти, постпамяти, распаде СССР и советской ностальгии; отбор завершен 1 июля 2026 г. Привлечены также данные ВЦИОМ и ФОМ. Применены проблемно-хронологический, сравнительно-историографический и типологический методы. Установлено, что семейный рассказ сохраняет положение первичного канала персонализации прошлого, но действует избирательно: он передает жизненные сценарии, эмоциональные оценки и повседневные нормы чаще, чем последовательное знание о событиях 1985–1991 гг. Образовательные и публичные институты задают национальные рамки интерпретации, а цифровые медиа не вытесняют семью, а усиливают уже сложившиеся траектории памяти, фрагментируя и актуализируя их. В ценностном отношении устойчиво воспроизводятся представления о социальной справедливости, равенстве возможностей, солидарности, межнациональном сосуществовании, доступности образования и здравоохранения, защищенности и уверенности в будущем. При этом одобрение этих ценностей не тождественно поддержке восстановления СССР. Научная новизна состоит в предложенной модели селективной ценностной трансляции, связывающей акторов, каналы, режимы памяти и интерпретационные результаты. Показано также, что понятие «постсоветское пространство» в имеющемся корпусе исследований операционализировано неравномерно: преобладают российские данные, а межстрановые сопоставления остаются ограниченными. Теоретическая значимость результата заключается в разведении понятий культурной преемственности, социальной ностальгии и политической реставрации. Практическая значимость связана с применением модели в образовательных, музейных и цифровых проектах, организующих критический межпоколенческий диалог в поликультурном обществе. Сделан вывод, что межпоколенческая память о распаде СССР представляет собой не линейное наследование готовых оценок, а контекстуальную перекомпоновку ценностных смыслов.

Ключевые слова: межпоколенческая память, распад СССР, постсоветское пространство, семейная память, постпамять, традиционные ценности, молодежь, политика памяти, цифровая память, советская ностальгия

Для цитирования: Акрамов, А.Р., 2026. Межпоколенческая память о распаде СССР на постсоветском пространстве: механизмы передачи и ценностные интерпретации в исследованиях 2018–2026 годов, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 3, с. 324–336. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.3.29>

Intergenerational memory of the collapse of the USSR in the post-Soviet space: mechanisms of transmission and value interpretations in studies from 2018 to 2026

Alexander R. Akramov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
E-mail: akramov.ar@rggu.ru

Abstract. This article offers a problem-oriented historiographical analysis of studies published between 2018 and 2026 on the intergenerational transmission of memories of the collapse of the USSR and the Soviet past across the post-Soviet space. It aims to identify the principal mechanisms of transmission and to explain how the perceived value of particular elements of Soviet experience relates to attitudes toward restoring the former state structure. The corpus includes 26 peer-reviewed works on family memory, postmemory, youth perceptions of the Soviet collapse, memory politics and digital nostalgia, selected from eLibrary.ru, CyberLeninka and Scopus up to 1 July 2026, together with representative VCIOM and FOM surveys. The study combines problem-chronological, comparative-historiographical, and typological methods. It finds that family narratives remain the primary means of personalizing the past, yet operate selectively: they transmit life scripts, emotional judgments, and everyday norms more consistently than coherent knowledge of the events of 1985–1991. Educational and public institutions provide national interpretive frames, while digital media do not displace the family but amplify established mnemonic trajectories, fragmenting and updating them. The most persistent value interpretations concern social justice, equality of opportunity, solidarity, interethnic coexistence, accessible education and healthcare, social protection, and confidence in the future. Approval of these values does not amount to support for restoring the USSR. The article's contribution lies in a model of selective value transmission that connects mnemonic actors, channels, modes of remembering, and interpretive outcomes. It also shows that the post-Soviet space is operationalized unevenly: Russian data predominate, whereas systematic cross-country comparisons remain scarce. Intergenerational memory of the Soviet collapse should therefore be understood not as the linear inheritance of ready-made assessments but as the contextual reaggregation of values. This approach distinguishes cultural continuity from political restoration and clarifies how shared Soviet references persist within diverging national memory regimes.

Keywords: intergenerational memory, collapse of the USSR, post-Soviet space, family memory, postmemory, traditional values, youth, memory politics, digital memory, Soviet nostalgia

For citation: Akramov, A.R., 2026, Intergenerational memory of collapse of the USSR in the post-Soviet space: mechanisms of transmission and value interpretations in studies from 2018 to 2026, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 3, pp. 324–336. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.3.29>

Введение

Распад СССР остается одновременно историческим событием, границей биографического опыта и ресурсом интерпретации настоящего. Для поколений, социализация которых пришлась на позднесоветское время и 1990-е гг., он связан с личными воспоминаниями о смене институтов, социальных гарантий и политико-территориальной организации. Для родившихся после 1991 г. тот же сюжет существует преимущественно в режиме постпамяти: через семейные рассказы, образовательные нарративы, фильмы, музейные и коммеморативные практики, медиатексты и цифровые сообщества, поэтому вопрос о памяти распада СССР не сводится к измерению ностальгии. Он затрагивает механизмы межпоколенческой преемственности, способы отбора значимого прошлого и изменение ценностного языка, посредством которого новые поколения соотносят советский опыт с собственным настоящим.

В теме выпуска «Традиционные ценности в поликультурном мире» этот сюжет занимает особое место. В нормативном дискурсе историческая память и преемственность поколений включены в перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809]. Однако исследовательский анализ требует развести как минимум три уровня: нормативное определение традиционных ценностей; эмпирически фиксируемые представления респондентов о желательном социальном порядке; политические выводы, которые

они делают из оценки советского прошлого. Такое разведение предотвращает две редукции. Первая состоит в автоматическом отождествлении всего советского наследия с традиционным; вторая – в выводе о готовности восстановить советские институты из положительной оценки справедливости, солидарности или социальных гарантий. Традиция в данном случае понимается не как неизменное содержание, а как воспроизводимый механизм отбора и передачи значимых норм, проходящих межпоколенческую переинтерпретацию [Го Лишуан, 2023].

Теоретической отправной точкой служит положение М. Хальбвакса о социальной обусловленности воспоминания: прошлое реконструируется в рамках групп, предоставляющих язык, схемы релевантности и подтверждение индивидуальному опыту [Хальбвакс, 2007]. Различение коммуникативной и культурной памяти позволяет описать переход от живого свидетельства к институционально поддерживаемым формам сохранения прошлого [Ассман, 2004]. Категория постпамяти уточняет положение поколений, не имевших собственного опыта события, но присваивающих его посредством рассказов, образов и эмоциональной сопричастности [Hirsch, 2008]. Применительно к распаду СССР это означает, что младшие поколения наследуют не само событие, а его семейно, институционально и медийно опосредованные версии.

В 2018–2026 гг. сложился заметный массив работ о семейной памяти, культурной травме, молодежном восприятии советского прошлого и цифровой ностальгии. Тем не менее эти направления часто развиваются раздельно: исследования распада СССР фиксируют возрастные различия, работы о семье описывают каналы передачи, а анализ политики памяти – национальные и медийные рамки. Недостаточно разработан вопрос о том, какие именно ценностные содержания проходят через эти каналы, и почему положительная оценка советских социальных норм может сочетаться с отказом от реставрационного политического сценария.

Объектом исследования является корпус научных работ 2018–2026 гг. о межпоколенческом воспроизводстве памяти о распаде СССР и советском прошлом на постсоветском пространстве. Предмет – описанные в этих работах акторы и каналы передачи, режимы памяти и ценностные интерпретации. Цель статьи состоит в выявлении механизмов трансляции памяти и построении модели, объясняющей расхождение между ценностной привлекательностью отдельных элементов советского опыта и отношением к восстановлению СССР. Для ее достижения решаются четыре задачи: систематизировать исследовательский корпус; сопоставить семейный, институциональный и публично-цифровой контуры передачи; выделить устойчивые ценностные комплексы; определить ограничения межстрановых обобщений. Научная новизна заключается в модели селективной ценностной трансляции, связывающей актора, канал, режим памяти и интерпретационный результат.

Материалы, методы и границы исследования

Статья имеет характер интегративного проблемно-историографического обзора. Ядро корпуса образуют рецензируемые публикации 2018–2026 гг., в которых непосредственно анализируются отношение разных поколений к распаду СССР, семейные представления о советском прошлом, постсоветская молодежь и «ностальгия без памяти», а также социальная память молодежи стран евразийской интеграции. Для реконструкции механизмов передачи привлечены работы о семейной постпамяти, образовательных и цифровых практиках, даже если их эмпирический материал относится к другим событиям советской истории. Такое расширение оправдано не тематической подменой, а необходимостью установить общие механизмы: роль мнемонических акторов, соотношение семейного и официального нарратива, характер цифрового участия.

Процедура формирования корпуса была следующей. Поиск велся в eLibrary.ru (РИНЦ), научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» и базе Scopus по запросам «межпоколенческая память», «семейная память», «постпамять», «распад СССР», «советская ностальгия», «политика памяти», а также по их английским эквивалентам. Хронологический фильтр охватывал 2018–2026 гг.; отбор завершен 1 июля 2026 г. Первичная выдача просматривалась по заглавиям и аннотациям, на этом этапе отсеивались работы, где память рассматривалась вне межпоколенческой перспективы. Отобранные тексты читались полностью и оценивались по трем критериям включения: наличие эмпирического материала или систематического обзора; явная адресация к советскому прошлому либо к механизмам его передачи; проверяемые библиографические сведения. Исключались публицистика, учебные и справочные издания, а также публикации, в которых понятие памяти использовалось метафорически. Такой отбор удерживает корпус в границах заявленного предмета: работа включалась тогда, когда позволяла реконструировать хотя бы одно звено передачи – актора, канал, режим памяти или ценностный результат. В аналитическое ядро вошли 26 публикаций 2018–2026 гг.; сверх того привлечены три классические работы по теории памяти [Хальбвакс, 2007; Ассман, 2004; Hirsch, 2008], задающие понятийную рамку.

Вспомогательную источниковую группу составили материалы ВЦИОМ и ФОМ 2021–2026 гг. Они используются не как замена научной литературе, а для проверки обнаруженных тенденций на репрезентативных российских выборках. Нормативный контекст задан основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей [Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809].

Применены проблемно-хронологический метод, позволяющий проследить переход от исследований культурной травмы к анализу цифровой и постсемейной памяти; сравнительно-историографический метод, направленный на сопоставление выводов, выборок и понятий; типологизация каналов и режимов памяти. Единицей анализа выступал не отдельный тезис о «положительном» или «отрицательном» отношении к СССР, а связка «кто передает – через какой канал – в какой форме – с каким ценностным результатом». Это позволило различить коммуникативную память свидетелей, семейную постпамять потомков, институциональную рамку образования и публичной политики, а также цифровую реактуализацию.

Хронологические границы требуют пояснения. 2018 год выбран как начало периода, в котором одновременно усилились исследования семейного советского прошлого и поколенческой культурной травмы [Шор-Чудновская, 2018; Баранова, Донцов, 2019]. Верхняя граница включает публикации и опросные материалы, вышедшие к середине 2026 г. Она не означает завершенности процесса, а фиксирует наиболее актуальное состояние исследовательского поля. Территориальная рамка также ограничена. Под «постсоветским пространством» понимается не единая мнемоническая общность, а поле обществ, возникших после распада СССР и сохраняющих пересекающиеся семейные биографии, языки памяти и институционально расходящиеся национальные нарративы. Корпус не обеспечивает симметричного представительства всех бывших союзных республик; эта асимметрия рассматривается как значимый историографический результат. Чтобы соотнести российский материал с данными других постсоветских обществ, в корпус включены сравнительный опрос по шести странам [Bakke, Rickard, O’Loughlin, 2023] и работа о межпоколенческой передаче памяти в Казахстане [Dukeyev, Kasymov, Sarsembina, 2025]; их результаты разбираются ниже.

Семья: персонализация прошлого и селективность передачи

Семья остается основным пространством, в котором макроисторическое событие приобретает биографическую форму. В исследованиях молодых россиян советское прошлое семьи предстает фрагментарным: респонденты легче связывают родственников с Великой Отечественной войной или «девяностыми», чем с перестройкой и политическими механизмами распада СССР. При этом дефицит фактической связности не препятствует идеализации отдельных сторон прошлого. А. Шор-Чудновская характеризует подобное отношение как сочетание постутопических и ретротопических элементов: молодые люди не испытывают ностальгии в биографическом смысле, но могут присваивать положительный образ порядка, которого не переживали [Шор-Чудновская, 2018].

Это наблюдение согласуется с исследованием М.А. Ядовой: представления постсоветской молодежи о распаде СССР формируются из семейных рассказов, школьного знания и медиальных клише о «лихих девяностых». Интерес к советскому прошлому в данном случае связан не столько с желанием вернуться в конкретную эпоху, сколько с запросом на благополучное и справедливое общество равных возможностей [Ядова, 2021]. А.П. Романова и М.М. Федорова определяют сходный феномен как «ностальгию без памяти»: символический образ советского становится способом критического сравнения с настоящим, хотя личная эмоциональная память у цифрового поколения отсутствует [Романова, Федорова, 2021]. Следовательно, семейная передача не воспроизводит готовую идеологическую систему. Она поставляет материал для ценностной оценки современности.

Механизм этой селективности раскрывают работы о семейной памяти более широкого тематического диапазона. В.А. Баранова и А.И. Донцов показали, что одно и то же событие занимает различное место в памяти поколенческих групп: для поколения 1961–1975 гг. перестройка и распад СССР могут выступать культурной травмой, тогда как у младших респондентов формируется постпамять, опосредованная чужим опытом [Баранова, Донцов, 2019]. Р.Э. Бараш связывает устойчивость семейной памяти с эмоциональной включенностью, доступом к документам и цифровыми возможностями реконструкции родословной [Бараш, 2021]. По данным М.К. Горшкова и Р.Э. Бараш, семейные рассказы в 2020 г. входили в число наиболее востребованных источников сведений об истории России, однако глубина знания семейной истории у молодежи ниже, чем у старших возрастных групп [Горшков, Бараш, 2024].

Качественные исследования позволяют уточнить, что передается внутри семьи. В интервью со студенческой молодежью семейный нарратив связывает частную историю с историей страны через фотографии, письма, документы, рассказы о местах работы, миграциях и судьбах родственников. При этом связь носит транслокальный характер: память соединяет семьи, живущие в разных регионах и государствах бывшего СССР [Богатова, Дадаева, 2024]. Исследование трех поколений семей показывает, что даже наиболее насыщенный сегмент памяти часто состоит из разрозненных историй и легенд;

полноценная последовательная семейная история воспроизводится лишь в части семей [Великая, Голосеева, Ирсетская, 2025]. Работа о мнемонических ролях в российских семьях дополнительно показывает, что инициаторами передачи нередко выступают бабушки, а травматический опыт помещается в социально приемлемые жизненные сценарии стойкости, спасения и преодоления [Slade et al., 2025].

Для памяти о распаде СССР из этого следует важный вывод. Семья эффективнее передает не причинно-следственную схему распада многонационального государства, а биографические маркеры перехода: потерю или смену работы, миграцию, разрыв связей, изменение потребительских возможностей, ощущение неопределенности либо, напротив, открывшиеся возможности. Унаследованная оценка строится вокруг того, как семья прошла границу эпох. Поэтому положительная память о социальной защищенности может сосуществовать с критикой дефицита, ограничений и политической несвободы, а сожаление о разрушении связей – с признанием самостоятельности новых государств.

Институциональный контур: образование, публичная политика и национальные рамки

Семейный рассказ не существует изолированно. Его фрагменты получают исторические названия и причинные связи в школе, вузе, музее, календаре памятных дат и публичной коммуникации. Исследование студенческой молодежи в региональном контексте выявило три различающихся уровня вовлеченности в исторические практики; на них воздействуют познавательный интерес, семейные воспоминания и использование медиа [Богатова, Дадаева, Шумкова, 2024]. Семья придает прошлому глубину и эмоциональную достоверность, тогда как образование обеспечивает хронологию, понятийный аппарат и включение частного опыта в общую историю.

Сопоставление студентов России и стран СНГ подтверждает совместное действие семейного и образовательного каналов. При различиях национальных учебных программ память о ключевых событиях общей истории поддерживается семейными связями и системой образования [Широкалова, Куконков, 2022]. Однако такая совместность не означает тождества итоговых интерпретаций. После 1991 г. новые государства выстраивали собственные нарративы происхождения, суверенитета и исторической субъектности. В результате один семейный сюжет – например, перемещение родственников между союзными республиками – может быть включен в рамку утраченного единства, успешного национального освобождения, вынужденной адаптации или множественной идентичности.

Понятие политики памяти позволяет объяснить, почему институциональная передача не нейтральна. Она включает отбор событий, памятных дат, героев, учебных интерпретаций и допустимых способов публичного высказывания [Ефременко, Малинова, Миллер, 2018]. В российском контексте исследователи отмечают высокую конфликтность поля исторической памяти и необходимость сохранять пространство для сосуществования различных интерпретаций [Летняков, 2023]. Образ распада СССР в медийном дискурсе прошел путь от одного из сюжетов перестройки к устойчивой культурной травме, в которой событие связывается с утратой государственности, статуса и социальной предсказуемости [Линченко, 2019]. Телевизионная журналистика и интернет-коммуникация затем воспроизводят этот образ через годовщины, документальные проекты, экспертные объяснения и пользовательские дискуссии [Линченко, Головашина, 2022].

Институциональный контур выполняет две функции. Во-первых, он восполняет семейные лакуны, сообщая поколениям, не заставшим СССР, фактическую рамку события. Во-вторых, он национализует память: устанавливает, чьей историей был Советский Союз, как оценивается 1991 год и какое место распад занимает в основании современной государственности. Именно на этом уровне общая советская референция начинает расходиться по национальным траекториям.

Цифровая медиатизация: усиление, фрагментация и актуализация

Цифровая среда изменила доступ к семейным архивам и одновременно расширила число участников публичного производства памяти. Социальные сети, видеохостинги и онлайн-архивы позволяют сопоставлять семейные рассказы с документами, находить родственников и возвращать в обращение частные фотографии. Те же платформы организуют внимание через краткие форматы, алгоритмическую популярность и конфликт комментариев, поэтому цифровизация увеличивает объем доступного прошлого, не гарантируя его связности или критической проверки.

Контент-анализ дискуссий о советском прошлом в социальных сетях показывает, что участники соединяют официальный дискурс, личные биографии и текущую повестку. Онлайн-память создает альтернативные нарративы и контрнарративы, а советское прошлое обладает «абсорбирующим» свойством: в него встраиваются актуальные события и тревоги [Долгов, 2022]. Исследования цифровой ностальгии также фиксируют переплетение положительных и отрицательных оценок позднесоветского опыта; медиальная привлекательность образов прошлого поддерживается именно их применимостью к настоящему [Романова, Федорова, 2021].

Работы 2025–2026 гг. уточняют соотношение семейного и цифрового каналов. На материале памяти о репрессиях показано, что цифровая экосистема не заменяет семейный нарратив, а взаимодействует с ним: усиливает одни фреймы, предоставляет язык для других и иногда обнаруживает расхождение между частным рассказом и публичным режимом памяти [Богатова, 2025]. Исследование московских студентов выявляет преимущественно пассивное потребление мемориального контента в социальной сети и связь более активного цифрового участия с уже имеющимся семейным и образовательным опытом [Зимова, 2026]. Оба исследования выполнены на материале памяти о войне и репрессиях. Выборка же Н.С. Зимовой ограничена студентами московских вузов и не репрезентирует молодежь других регионов и стран, поэтому перенос вывода на память о распаде СССР принимается здесь как рабочая гипотеза, требующая самостоятельной проверки: предположительно цифровая платформа чаще усиливает уже сложившуюся траекторию отношения к прошлому, чем создает ее заново.

Отсюда следуют три режима цифровой передачи памяти о распаде СССР. Архивно-поисковый режим расширяет документальную основу семейной истории. Ностальгически-эстетический режим превращает позднесоветские вещи, музыку, кино и визуальный стиль в эмоционально доступный образ «непрожитого» прошлого. Полемический режим организует столкновение интерпретаций о причинах распада, цене реформ, государственном суверенитете и возможности восстановления Союза. Эти режимы могут сочетаться у одного пользователя, поэтому цифровая активность сама по себе не указывает на единую политическую позицию.

Ценностные интерпретации: что именно передается между поколениями

Наиболее содержательный результат исследований состоит в устойчивом воспроизводстве ценностей, отделяемых от конкретной институциональной формы СССР. В опросе молодых граждан государств-участников и потенциальных участников евразийской интеграции, проживавших, учившихся или работавших в Москве, семья была названа главным актором формирования памяти о прошлом. Положительные образы советского периода связывались с дружбой народов, доступностью образования, гарантией занятости, уверенностью в будущем, доверием, равенством, здравоохранением и справедливостью [Осадчая и др., 2021]. Одновременно большинство респондентов не рассматривали распад СССР как личную травму и не поддерживали восстановление прежнего государства. Методологически важно учитывать нерепрезентативный характер и московскую локализацию выборки, но внутреннее сочетание ответов принципиально: ценностная преемственность не превращается автоматически в политическую реставрацию. Выборка этого опроса охватывала молодых людей, находившихся в Москве, и не репрезентирует общества соответствующих стран, поэтому его данные привлекаются как указание на сочетание ответов внутри группы, а не как межстрановая оценка.

Российские массовые опросы обнаруживают сходную структуру. В 2021 г. среди первых ассоциаций с СССР назывались уверенность в будущем, многонациональная страна и дружба народов, бесплатное образование, взаимопомощь, социальная справедливость, занятость, безопасность и доступное здравоохранение [Тридцать лет спустя..., 2021]. Опрос ВЦИОМ, проведенный 15 февраля 2026 г. (1 600 респондентов, телефонное интервью, предельная погрешность не более 2,5 %), фиксирует устойчивый поколенческий градиент. О распаде СССР сожалеют 57 % опрошенных, за сохранение обновленного Союза на гипотетическом референдуме проголосовал бы 61 %, неизбежным считают распад 30 % [Смак, 2026]; распределение ответов по поколениям приведено в табл. 1. Сопоставление первых двух показателей уточняет картину. В поколении цифры о распаде сожалеют 14 %, тогда как за сохранение обновленного Союза высказались бы 36 %; у младших миллениалов соотношение составляет 24 % и 38 %, у старших миллениалов – 43 % и 55 %. В когортах с личным советским опытом разрыв исчезает или меняет знак: в реформенном поколении это 72 % и 65 %, в поколении застоя – 78 % и 76 %. Поддержка союзной идеи превышает личное сожаление именно там, где самого опыта нет, что согласуется с фиксируемым в качественных исследованиях расхождением между ценностной привлекательностью советского опыта и биографическим переживанием его конца.

Особенно показательно различие трех вопросов: был ли распад потерей; какие стороны советского порядка оцениваются положительно; желательно ли восстановление СССР. В опросе ФОМ 2021 г. молодые респонденты заметно реже старших сожалели о распаде, тогда как в обществе в целом положительная оценка восстановления оставалась распространенной [30-летие Беловежских соглашений, 2021]. Систематизация более ранних опросов также показывает неодинаковую интенсивность ресоветизации в разных поколенческих и социальных группах [Багдасарян, 2022]. В частности, на материале Бурятии выявлена зависимость ностальгии от возраста и дохода: старшие и менее обеспеченные группы сильнее выражали сожаление, а молодежь опиралась на аналогии с современными политическими движениями

и медиальными образами [Дашибалова, 2025]. Следовательно, поколенческий эффект пересекается с социальным положением и актуальным опытом. Содержание поддержки раскрывает открытый вопрос цитированного опроса ВЦИОМ: среди ответивших «да» 30 % называют образ большой и сплоченной страны и дружбу народов, 26 % указывают на справедливость, равенство, безопасность и стабильность, еще 26 % ссылаются на собственную биографию и молодость [Смак, 2026]. Три группы мотивов соответствуют интеграционному, социально-гарантийному и биографическому основаниям оценки, что позволяет перейти от общей поддержки к ее ценностному составу.

*Таблица 1. Отношение к распаду СССР в поколенческом разрезе, 2026 г.
(% от всех опрошенных)*

*Table 1. Attitudes towards the collapse of the USSR by generation, 2026
(% of all respondents)*

<i>Поколение</i>	<i>Сожалеют о распаде</i>	<i>За сохранение обновленного Союза</i>	<i>Разность</i>	<i>Считают распад неизбежным</i>
Все опрошенные	57	61	+4	30
Поколение цифры (2001 г. и позднее)	14	36	+22	57
Младшие миллениалы (1992–2000)	24	38	+14	42
Старшие миллениалы (1982–1991)	43	55	+12	35
Реформенное поколение (1968–1981)	72	65	-7	25
Поколение застоя (1948–1967)	78	76	-2	21
Поколение оттепели (до 1947 г.)	79	81	+2	16

Составлена по: Смак, 2026. Разность рассчитана автором в процентных пунктах.

Четыре ценностных комплекса, выделяемые ниже, получены обобщением повторяющихся тематических группировок, зафиксированных в перечисленных исследованиях и опросах; формального кодирования выборки не проводилось, поэтому речь идет об аналитической схеме, открытой для эмпирической проверки. Первый – социально-гарантийный: доступность образования и здравоохранения, занятость, защищенность, предсказуемость жизненной траектории. Второй – солидаристский: взаимопомощь, коллективность, доверие и уменьшение социальной дистанции. Третий – интеграционный: дружба народов, культурное и языковое взаимодействие, сохранение семейных связей поверх новых границ. Четвертый – государственно-символический: масштаб страны, суверенитет, международный статус и способность государства обеспечивать порядок. Эти комплексы не образуют единой идеологии. Один респондент может поддерживать социально-гарантийные и солидаристские значения, но отрицательно оценивать политические ограничения; признавать ценность межнациональных связей, но считать государственную самостоятельность республик необратимой.

Именно здесь проходит граница между традицией и ретротопией. Традиционная ценность воспроизводится как нормативное ожидание – например, справедливость или межпоколенческая ответственность – и допускает новые институциональные формы. Ретротопическая интерпретация связывает желаемое будущее с идеализированным образом утраченного порядка. Исследования цифрового поколения показывают присутствие обеих логик, но не дают оснований считать вторую доминирующей [Шор-Чудновская, 2018; Романова, Федорова, 2021], поэтому научно корректнее говорить о селективном наследовании ценностного репертуара, чем о «возвращении советского сознания».

Постсоветское пространство: общая референция и расходящиеся режимы памяти

Понятие постсоветского пространства может создавать иллюзию однородной памяти. Между тем исследования демонстрируют как общность исходной референции, так и нарастающее расхождение интерпретаций. Сопоставление молодежи Беларуси и Латвии показывает, что школьный дискурс,

язык медиапотребления, национальные коммеморативные практики и политический контекст по-разному организуют восприятие одного советского исторического наследия [Krawatzek, 2022]. В исследовании России и Украины, основанном на синхронном опросе января 2021 г., выявлены различия в оценках послевоенного СССР, сталинского периода и Второй мировой войны. В России наблюдалась большая согласованность с доминирующим публичным нарративом, на Украине – более выраженная фрагментация, связанная, в частности, с языком респондентов; при этом русскоязычные граждане Украины не воспроизводили автоматически российские оценки [Krawatzek, Soroka, 2025].

Эти результаты важны для анализа памяти о распаде СССР. Во-первых, межпоколенческая передача происходит внутри национальных государств, для которых 1991 год является событием собственного учреждения. Во-вторых, семейные истории часто выходят за национальные границы: родственники жили, учились, служили и работали в разных республиках. В-третьих, общие ценностные понятия – справедливость, безопасность, суверенитет, дружба народов – получают разные политические значения. Для одной рамки суверенитет означает восстановление исторической субъектности республики, для другой – утрату общего государства и ослабление его международного положения.

Исследование молодежи евразийских государств является одной из немногих попыток работать с наднациональной выборкой, но охватывает молодых людей, находившихся в Москве, и потому не репрезентирует общества соответствующих стран [Осадчая и др., 2021]. Работы о студентах СНГ чаще посвящены памяти о Великой Отечественной войне, а не распаду Союза [Широкалова, Куконков, 2022]. Систематические исследования межпоколенческой памяти 1991 г. в Центральной Азии, Закавказье, Молдове и странах Балтии представлены в русскоязычном корпусе неравномерно. Таким образом, широкая территориальная формулировка темы оправдана как постановка исследовательской проблемы, но не как утверждение о полном эмпирическом охвате. Отчасти этот пробел восполняют сравнительные работы последних лет. Опрос 2019–2020 гг. в Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Молдове и на Украине (9 207 респондентов) показал, что геополитическая близость страны к России сопряжена с восприятием советского прошлого в духе российского публичного нарратива, тогда как культурная близость такой устойчивой связи не дает [Bakke, Rickard, O'Loughlin, 2023]. Этот результат подкрепляет тезис о расхождении национальных режимов памяти при сохранении общей исходной референции. Казахстанский материал показывает работу семейного канала за пределами России: память о голоде 1931–1933 гг. воспроизводится внутри родственных сетей через рассказы о родстве, стратегиях выживания, значимых местах и фольклорные сюжеты [Dukeyev, Kasymov, Sarsembina, 2025]. Предметы памяти в обеих работах иные, чем распад СССР, поэтому они свидетельствуют о механизмах передачи, но не о содержании оценок самого 1991 г.

Историографическая лакуна состоит не только в нехватке страновых кейсов, но и в несопоставимости инструментария. Возрастные когорты определяются по-разному; вопросы о «сожалении», «ностальгии», «травме» и «восстановлении» не эквивалентны; семейный канал часто фиксируется одним вопросом без анализа содержания рассказа. Перспективное сравнительное исследование должно сочетать унифицированный опрос, семейные интервью минимум с двумя поколениями и анализ цифровых практик. Только такой дизайн позволит отделить эффект возраста от эффекта когорты, национального режима памяти и текущей социально-политической ситуации.

Модель селективной ценностной трансляции

Обобщение корпуса позволяет предложить модель, в которой межпоколенческая память формируется на пересечении четырех элементов. Актор инициирует или поддерживает обращение к прошлому; канал задает форму и доступность сообщения; режим памяти определяет тип присвоения; ценностный результат выражается в поддержке, критике или переопределении нормы. Важнейшее промежуточное звено – актуальный контекст, поскольку сведения о прошлом интерпретируются через опыт социального положения, безопасности, мобильности и ожиданий будущего. Предлагаемое построение следует понимать как концептуальную схему, полученную путем историографического синтеза; эмпирической проверки на самостоятельном массиве данных она пока не прошла, и такая проверка образует отдельную исследовательскую задачу. Соотношение контуров передачи, режимов памяти, ценностных результатов и опосредующего влияния актуального контекста сведено в табл. 2.

Модель объясняет, почему передача не является копированием. На первом этапе жизненный опыт свидетеля преобразуется в семейный рассказ: из множества событий отбираются эпизоды, согласующиеся с идентичностью семьи и социальной приемлемостью повествования. На втором этапе потомок соотносит рассказ с образовательной и публичной рамкой. На третьем цифровая среда предоставляет подтверждение, опровержение или эмоциональный аналог. На четвертом возникает ценностное суждение о настоящем. В этом переходе оценка может менять предмет: сожаление старшего поколения о распаде общего государства становится у младшего требованием справедливости, доступного образования или сильных горизонтальных связей.

Таблица 2. Механизмы межпоколенческой передачи памяти о распаде СССР

Table 2. Mechanisms of intergenerational transmission of the memory of the collapse of the USSR

Контур	Основные акторы и каналы	Преобладающий режим памяти	Ценностный результат и риск искажения	Актуальный контекст
Семейно-коммуникативный	родители, бабушки и дедушки; устные рассказы, фотографии, документы, семейные поездки	биографическая память и постпамять	персонализация справедливости, защищенности, труда, солидарности; риск фрагментарности и идеализации	положение семьи, опыт 1990-х, миграция
Институциональный	школа, вуз, музей, государственные и общественные проекты, памятные даты	культурная память и национальный нарратив	хронология, государственность, суверенитет, гражданская идентичность; риск унификации и вытеснения семейной сложности	учебный стандарт, памятные даты
Публично-медийный	телевидение, кино, журналистика, экспертная коммуникация	медийная травма, ностальгический или критический фрейм	масштаб государства, цена реформ, образы 1990-х; риск событийной актуализации и политизации	годовщины, текущая повестка
Цифровой	пользователи, онлайн-сообщества, архивные платформы, социальные сети	архивный поиск, эстетическая ностальгия, полемическая память	расширение доступа и участие; риск алгоритмической фрагментации, деконтекстуализации и поляризации	алгоритмы платформ, дискуссии

Составлена по: Бараш, 2021; Долгов, 2022; Богатова, Дадаева, 2024; Богатова, 2025; Зимова, 2026.

Селективность проявляется в трех формах. Содержательная селективность означает передачу одних элементов опыта при замалчивании других, нормативная – отделяет желательные ценности от нежелательных институтов, политическая – позволяет использовать одинаковые ценностные слова для различных проектов будущего, поэтому совпадение лексики не доказывает единства исторических интерпретаций, а отрицание реставрации не означает разрыва культурной преемственности.

Предложенная модель имеет и прикладное значение. В образовательных и музейных проектах следует различать поддержку ценностного диалога и навязывание единственной оценки распада СССР. Наиболее продуктивным форматом представляется работа с семейными источниками, сопоставленными с проверяемыми историческими данными и множеством региональных опытов. Такой подход укрепляет межпоколенческую связь, но одновременно развивает критическое отношение к идеализации и позволяет обсуждать поликультурность советского и постсоветского опыта без устранения национальных различий.

Заключение

Исследования 2018–2026 гг. показывают, что память о распаде СССР переходит от коммуникативной памяти свидетелей к постпамяти поколений, не имеющих личного опыта 1991 г. Этот переход не ведет к простому угасанию сюжета. Он изменяет его структуру: причинно-политическая конкретика уступает место семейным историям перехода, медийным образам 1990-х и ценностному сравнению прошлого с настоящим.

Первым устойчивым механизмом остается семья. Она персонализирует историческое событие, передает эмоциональную тональность, жизненные сценарии и нормы взаимопомощи, но редко обеспечивает последовательное знание о распаде Союза. Второй механизм – образование и публичные институты – связывает частный опыт с национальной историей и одновременно задает рамки государственности и суверенитета. Третий – цифровая медиатизация – расширяет архивный доступ и участие, но усиливает фрагментацию, эстетизацию и полемическую актуализацию прошлого. Ни один канал не действует автономно; итоговая интерпретация формируется в их взаимодействии.

Ценностное ядро положительной памяти образуют социальная справедливость, равенство возможностей, солидарность, доступность образования и здравоохранения, занятость, защищенность, уверенность в будущем и межнациональное сосуществование. Однако исследования молодежи и поколенческие опросы не подтверждают тождества между сохранением этих ценностей и поддержкой восстановления СССР. Главный вывод статьи состоит в том, что межпоколенческая преемственность

реализуется как селективная ценностная трансляция: нормы отделяются от исходной институциональной оболочки и включаются в новые проекты настоящего и будущего.

Сравнительный материал одновременно обнаруживает пределы обобщения. Постсоветское пространство сохраняет общие семейные и культурные референции, но национальные режимы памяти все сильнее расходятся. Российские исследования преобладают, а сопоставимые данные по ряду бывших союзных республик отсутствуют, поэтому дальнейшая работа требует синхронных междоисследовательских исследований, междоисследовательских семейных интервью и единого инструментария для различения сожаления, ностальгии, травмы, ценностного одобрения и политической реставрации.

Теоретическая значимость полученного результата заключается в уточнении отношения между исторической памятью и традиционными ценностями: преобладает воспроизводит ли неизменный набор оценок, а способность семьи и культуры переводить опыт в нормативный язык нового поколения. Практическая значимость связана с возможностью использовать модель при проектировании образовательных, музейных и цифровых программ, ориентированных на критический междоисследовательский диалог в поликультурном обществе. Для исследований автора статья имеет апробационное значение, поскольку переводит анализ историографии распада СССР из плоскости классификации причин и последствий в исследование общественной рецепции, каналов передачи и ценностной переработки исторических интерпретаций.

Пути верификации предложенной модели стоит обозначить отдельно. Названная выше потребность в синхронных междоисследовательских исследованиях – лишь одна из них. Не менее важно испытать схему на более широком круге отечественных и зарубежных работ, включая исследования на языках постсоветских государств, которые в русскоязычном корпусе представлены фрагментарно: они покажут, сохраняет ли различие контуров передачи объяснительную силу за пределами российского материала. Второй шаг – формальное кодирование расширенного корпуса, переводящее четыре ценностных комплекса из аналитической схемы в проверяемую типологию.

Список сокращений

ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения

ФОМ – Фонд «Общественное мнение»

Источники и материалы

30-летие Беловежских соглашений. Фонд «Общественное мнение»: сайт. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14665> (дата публикации: 21.12.2021; дата обращения: 13.07.2026).

Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809, *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 13.07.2026).

Смак, Т., 2026. Back in USSR. ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-ussr> (дата публикации: 17.03.2026; дата обращения: 13.07.2026).

Тридцать лет спустя, или вспоминая и забывая СССР. ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tridcat-let-spustja-ili-vspominaja-i-zabyvaja-sssr> (дата публикации: 06.12.2021; дата обращения: 13.07.2026).

Список литературы

Ассман, Я., 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 368 с.

Багдасарян, В.Э., 2022. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов), Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, № 1, с. 7–19. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-1-7-19>

Баранова, В.А., Донцов, А.И., 2019. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп, Социальная психология и общество, т. 10, № 2, с. 29–46. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100204>

Бараш, Р.Э., 2021. Семейная память россиян перед вызовами настоящего времени, Социально-политические науки, т. 11, № 5, с. 13–26. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26>

Богатова, О.А., 2025. Рамки памяти провинциальной студенческой молодежи о массовых политических репрессиях: между семейными нарративами и цифровыми экосистемами, Регионоведение, т. 33, № 4, с. 715–734. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.715-734>

- Богатова, О.А., Дадаева, Т.М., 2024. Семейная память как фактор формирования гражданской идентичности молодежи. Социологический анализ, Социально-политические науки, т. 14, № 2, с. 166–176. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-166-176>
- Богатова, О.А., Дадаева, Т.М., Шумкова, Н.В., 2024. Студенческая молодежь в пространстве исторических практик и нарративов (региональный аспект), Интеграция образования, т. 28, № 1, с. 98–110. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110>
- Великая, Н.М., Голосеева, А.А., Ирсетская, Е.А., 2025. Нарративы постпамяти: репрезентация Великой Отечественной войны в семейной памяти трех поколений, Социологические исследования, № 5, с. 14–28. <https://doi.org/10.7868/S3034601025050027>
- Го Лишуан, 2023. Переосмыслить и возродить: современная судьба традиционных российских ценностей, пер. с кит. О.В. Мигуновой; под. ред. Н.И. Мигунова, Вопросы философии, № 3, с. 58–69. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-3-58-69>
- Горшков, М.К., Бараш, Р.Э., 2024. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй), Социологические исследования, № 9, с. 125–137. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119>
- Дашибалова, И.Н., 2025. Поколенческие различия в восприятии распада СССР (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия), Society and Security Insights, т. 8, № 4, с. 135–149. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)4-08](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)4-08)
- Долгов, А.Ю., 2022. «Онлайн-память» о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР, Политическая наука, № 1, с. 191–204. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.08>
- Ефременко, Д.В., Малинова, О.Ю., Миллер, А.И., 2018. Политика памяти и историческая наука, Российская история, № 5, с. 128–140. <https://doi.org/10.31857/S086956870001569-6>
- Зимова, Н.С., 2026. Социальные сети в структуре каналов трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне у студенческой молодежи Москвы, Научный результат. Социология и управление, т. 12, № 2, с. 47–67. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-4>
- Летняков, Д.Э., 2023. Историческая память российского общества: к построению агонистической модели, Мир России, т. 32, № 1, с. 109–129. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-109-129>
- Линченко, А.А., 2019. «Распад СССР»: этапы и стратегии конструирования культурной травмы в медийном дискурсе современной России, Социодинамика, № 1, с. 108–121. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.1.28565>
- Линченко, А.А., Головашина, О.В., 2022. Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России, Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, № 6, с. 56–78.
- Осадчая, Г.И., Киреев, Е.Ю., Вартанова, М.Л., Черникова, А.А., 2021. Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции, Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, т. 21, № 3, с. 482–496. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-482-496>
- Романова, А.П., Федорова, М.М., 2021. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения, Южно-российский журнал социальных наук, т. 22, № 1, с. 6–18. <https://doi.org/10.31429/26190567-22-1-6-18>
- Хальбвакс, М., 2007. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 348 с.
- Широкалова, Г.С., Куконков, П.И., 2022. Семья как фактор формирования исторической памяти у студентов Содружества Независимых Государств, Социальное время, № 2 (30), с. 108–120. <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2022.2.108>
- Шоп-Чудновская, А., 2018. Young Russians' View of Their Family's Soviet Past: Nostalgic, Post-Utopian or Retrotopian?, Мир России, т. 27, № 4, с. 102–119. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-102-119>
- Ядова, М.А., 2021. «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР, Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, т. 14, № 5, с. 231–246. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-12>
- Bakke, K.M., Rickard, K., O'Loughlin, J., 2023. Perceptions of the Past in the Post-Soviet Space, Post-Soviet Affairs, vol. 39, no. 4, pp. 223–256. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2170153>
- Dukeyev, B., Kasymov, S., Sarsembina, K., 2025. Oral memories: inter-generational remembrance of the 1931–1933 Kazakh famine, Globalizations, vol. 22, iss. 6, pp. 1086–1103. <https://doi.org/10.1080/14747731.2025.2485790>
- Hirsch, M., 2008. The Generation of Postmemory, Poetics Today, vol. 29, no. 1, pp. 103–128. <https://doi.org/10.1215/03335372-2007-019>

Krawatzek, F., 2022. Remembering a Contentious Past: Resistance and Collaboration in the Former Soviet Union, *East European Politics and Societies*, vol. 36, no. 1, pp. 298–327. <https://doi.org/10.1177/0888325420952154>

Krawatzek, F., Soroka, G., 2025. Fractured Pasts? Views on Soviet History Among Russians and Ukrainians Prior to the 2022 Invasion, *Nationalities Papers, First View*, pp. 1–22. <https://doi.org/10.1017/nps.2025.10077>

Slade, G., Turlubekova, Z., Piacentini, L., 2025. Who Recounts the Stalinist Past? Mnemonic Roles, Acts of Remembering and Life-Scripts in Russian Families, *Current Sociology*, vol. 73, no. 5, pp. 734–753. <https://doi.org/10.1177/00113921241238431>

References

Assmann, J., 2004, *Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity*. LRC Publishing House, Moscow, 368 p. (In Russ.).

Baghdasaryan, V. E., 2022, Perception of the USSR in the Historical Consciousness of Modern Russian Society: Trends in Re-Sovietization (Based on Sociological Surveys), *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, no. 1, pp. 7–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-1-7-19>

Baranova, V.A., Dontsov, A.I., 2019, Collective memories and cultural trauma of different generational groups, *Social Psychology and Society*, vol. 10, no. 2, pp. 29–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100204>

Barash, R.E., 2021, Family Memory of the Russia's Citizens in the Context of Actual Social Challenges, *Sociopolitical Sciences*, vol. 11, no. 5, pp. 13–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26>

Bogatova, O.A., 2025, The Frames of Provincial Student Youth's Memory of Mass Political Repression: between Family Narratives and Digital Ecosystems, *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 33, no. 4, pp. 715–734. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.715-734>

Bogatova, O.A., Dadaeva, T.M., 2024, Family Memory as a Factor in the Formation of Civic Identity of Youth. Sociological Analysis, *Sociopolitical Sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 166–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-166-176>

Bogatova, O.A., Dadaeva, T.M., Shumkova, N.V., 2024, Student Youth in the Space of Historical Practices and Narratives (Regional Dimension), *Integration of Education*, vol. 28, no. 1, pp. 98–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110>

Velikaya, N.M., Goloseyeva, A.A., Irsetskaya, E.A., 2025, Narratives of Post-memory: The Representation of the Great Patriotic War in the Family Memory of Three Generations, *Sotsiologicheski issledovaniya*, no. 5, pp. 14–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S3034601025050027>

Guo Lishuang, 2023, Rethinking and Reviving: The Modern Fate of Traditional Russian Values, Translated from Chinese by O.V. Migunova; eds. N.I. Migunov, *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 58–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-3-58-69>

Gorshkov, M.K., Barash, R.E., 2024, Historical Memories of Russians Today (history of the XX century Russia in the optics of families' stories), *Sotsiologicheski issledovaniya*, no. 9, pp. 125–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119>

Dashibalova, I.N., 2025, Generational Differences in Perception of the Collapse of the Soviet Union (Based on Sociological Research in the Republic of Buryatia), *Society and Security Insights*, vol. 8, no. 4, pp. 135–149. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)4-08](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)4-08)

Dolgov, A.Yu., 2022, Online memory of the Soviet past: social networks as alternative arenas for debates about USSR, *Political science (RU)*, no. 1, pp. 191–204. (In Russ.). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.08>

Efremenko, D.V., Malinova, O.Yu., Miller, A.I., 2018, Politics of Memory and Historical Science, *Rossiiskaia istoriia*, no. 5, pp. 128–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086956870001569-6>

Zimova, N.S., 2026, Social networks in the structure of channels for broadcasting the historical memory of the Great Patriotic War among Moscow students, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 12, no. 2, pp. 47–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-4>

Letnyakov, D.E., 2023, The Historical Memory of Russian Society: Towards an Agonistic Model, *Mir Rossii*, vol. 32, no. 1, pp. 109–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-109-129>

Linchenko, A.A., 2019, “The collapse of the USSR”: stages and strategies of constructing cultural trauma in the media discourse of contemporary Russia, *Sociodynamics*, no. 1, pp. 108–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.1.28565>

Linchenko, A.A., Golovashina, O.V., 2022, Thirty years later: the collapse of the USSR in television journalism and the internet space of contemporary Russia, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 6, pp. 56–78. (In Russ.).

- Osadchaya, G.I., Kireev, E.Yu., Vartanova, M.L., Chernikova, A.A., 2021, Formation of the youth's social memory in the Eurasian integration states-participants, *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no. 3, pp. 482–496. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-482-496>
- Romanova, A.P., Fedorova, M.M., 2021, Soviet Nostalgia of The Post-Soviet Digital Generation, *South-Russian Journal of Social Sciences*, vol. 22, no. 1, pp. 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.31429/26190567-22-1-6-18>
- Halbwachs, M., 2007, The social frameworks of memory, trans. from Fr. and introd. by S.N. Zenkin. Novoe Izdatel'stvo Publ., Moscow, 348 p. (In Russ.).
- Shirokalova, G.S., Kukonkov, P.I. Family as a factor in the formation of historical memory among students of the Commonwealth of Independent States, *SocioTime / Social Time*, no. 2 (30), pp. 108–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2022.2.108>
- Shor-Chudnovskaya, A., 2018, Young Russians' View of Their Family's Soviet Past: Nostalgic, Post-Utopian or Retrotopian? *Mir Rossii*, vol. 27, no. 4, pp. 102–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-102-119>
- Yadova, M.A., 2021, “Nostalgia Not for the Past but Nostalgia for the Present”: Post-Soviet Youth on USSR's Collapse. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 5, pp. 231–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-12>
- Bakke, K.M., Rickard, K., O'Loughlin, J., 2023. Perceptions of the Past in the Post-Soviet Space, *Post-Soviet Affairs*, vol. 39, no. 4, pp. 223–256. (In Eng.) <https://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2170153>
- Dukeyev, B., Kasymov, S., Sarsembina, K., 2025. Oral memories: inter-generational remembrance of the 1931–1933 Kazakh famine, *Globalizations*, vol. 22, iss. 6, pp. 1086–1103. (In Eng.) <https://doi.org/10.1080/14747731.2025.2485790>
- Hirsch, M., 2008. The Generation of Postmemory, *Poetics Today*, vol. 29, no. 1, pp. 103–128. (In Eng.) <https://doi.org/10.1215/03335372-2007-019>
- Krawatzek, F., 2022. Remembering a Contentious Past: Resistance and Collaboration in the Former Soviet Union, *East European Politics and Societies*, vol. 36, no. 1, pp. 298–327. (In Eng.) <https://doi.org/10.1177/0888325420952154>
- Krawatzek, F., Soroka, G., 2025. Fractured Pasts? Views on Soviet History Among Russians and Ukrainians Prior to the 2022 Invasion, *Nationalities Papers*, First View, pp. 1–22. (In Eng.) <https://doi.org/10.1017/nps.2025.10077>
- Slade, G., Turlubekova, Z., Piacentini, L., 2025. Who Recounts the Stalinist Past? Mnemonic Roles, Acts of Remembering and Life-Scripts in Russian Families, *Current Sociology*, vol. 73, no. 5, pp. 734–753. (In Eng.) <https://doi.org/10.1177/00113921241238431>

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Акрамов Александр Рустамович, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0001-6962-7555>; e-mail: akramov.ar@rggu.ru

Information about the author

Alexander R. Akramov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-6962-7555>; e-mail: akramov.ar@rggu.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 13.07.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 02.09.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026